

Надежда Кондакова

г. Москва

«В последнем огне, в огне золотом»

От сетей ловца, от слов мятежных
комсомолок, нынешних старух,
от воспоминаний неизбежных
сохрани мой замысел и слух!

Я хочу не слышать эти бредни
и не помнить праздных толковищ,
чтоб в церковке бедной у обедни
стал мой дух беспомощен и нищ.

Чтобы в свет преобразилось горе
и глаза очистились от слез,
чтобы на божественном просторе
облако за облаком неслоь.

Вот тогда увижу я, как пламя
выжигает паморок и тьму.
...А к Тому, кто сжалится над нами,
тихо побредем по-одному.

Дед лежал в вышиванке на узких нарах.
И откуда-то с невидимой высоты
его мучителям обещалась кара,
а на него сыпались живые цветы.

И об этом горе пела мобила,
то Бах, то Моцарт сиял во мгле,
и в этих цветах утопала могила,
могила, которой нет на земле.

И когда в Украине или на Украине
зашевелились живые гробы,
дед восстал, и в человеческой пустыне
не было более русской судьбы.

Она стояла на седьмом этаже
у распахнутого окна.
И, как рассыпанное драже,
была ее дрожь видна.

Она проглатывала нембутал
и запивала вином.
И лист сиреневый трепетал
в неверном огне ночном.

Она дышала в трубку всю ночь,
ни слова не говоря...
И ангел силился ей помочь
в преддверии октября.
А на рассвете спросила, где ты,
а я не знала - где ты.
Но вдруг завяли твои цветы,
предвестники немоты.

Она сказала мне: Сорок лет
веду с тобой этот бой...
А я отправила время вспять,
ответила: Сорок пять...

Она вздохнула: Ну все... и вот
победа твоя близка,
уже снотворное не берет
с полфляжкой коньяка.

...И вдруг на меня из ее окна
надвинулась глубина.
И стала жалость моя нежна,
отчаяния полна.

Я так любила тебя в ту ночь
неслышно, издавека,
пока меня уносила прочь
невидимая рука,
и нерожденную нашу дочь
баюкали облака.

...Тех лет и бед провалился след.
Но, ветреницы судьбы,
слепые мойры идут на свет
из интернеттолпы.
И мне приносят такую весть,
ну просто ни встать, ни сесть.

Мол, генерал, боевая статья,
нарисовал свой дом,
чтобы без памяти выживать.
И научился в нем вышивать
гладью или крестом.

Она кричала «За что?!», «Зачем?!»
теперь, когда денег хренова туча?!»
...Рванулась в Оптину, в Вифлеем,
рыдала в голос, и даже круче -

звонила в ужасе всем врагам,
просила смирно себе прощенья,
чтоб корпус раковый пал к ногам
в метампсихозовом превращеньи.
И вновь кричала врачу «За что?!»,
совала доллары в два кармана.
...А солнце сыпало в решето
простое золото Инкермана.

И там, под золотом ЮБК,
над жизнью шаткой, смурной, короткой
пил то запоями, то слегка
муж нелюбимый в печали короткой.

Она кричала ему «Вернись!»,
она грозила небесной карой,
потом в рыданиях кидала вниз
мобильник «Vertu» на даче старой.

И не поехала хоронить,
и обезножила в две недели.
У парки злой вырывая нить,
концы пыталась соединить
у жизни дышащей еле-еле.

...На старом кладбище раз уж сто
необъяснимо и потрясенно
я вспоминаю то время оно.
И неизменно одна ворона
скрипит устало: «За что?» «За что?»

Последнее море

Ни слова о том, что будет потом,
ни слова об этом, мой друг, –
в последнем огне, в огне золотом
последнее море вокруг.

Мы завтра покинем сии берега –
о, дольше, огонь, погори,
о том, что ни друга вокруг, ни врага,
ты нам говори, говори...

И слепо и глухо и просто немой –
ответчик и он же истец.
Но завтра и мы соберемся домой,
отсрочь это завтра, Отец!

О, дай наглядеться, наплакаться, на-
смеяться в пейзаже грудном...
Есть сто пунктуаций во все времена,
а паузы нет ни в одном.

Но именно в паузах жизнь и горчит,
но именно в паузах встреч,
как море, последнее море, звучит
нечленораздельная речь.

